

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРАВДА - МОСКВА

№ 14 АПРЕЛЬ 1989

КАРТИНЫ-ЭМИГРАНТЫ

ОПАЛЬНЫЙ
АЛЬМАНАХ

СУДЬБА БЕХТЕРЕВА

ВЗЛЕТАЕМ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 14 (3219)
1—8 АПРЕЛЯ

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
А. Ю. БОЛОТИН,
В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЦИН
(первый заместитель главного редактора),

Н. А. ЗЛОБИН,
В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
С. Н. ФЕДОРОВ,
А. В. ХРОМОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Так начинался день на шестом чемпионате Европы по полетам на воздушных шарах. (См. в номере материал «Летайте шарами Литовского общества воздухоплатателей!».)

Фото Евгения СТЕЦКО

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 13.03.89. Подписано к печати 28.03.89. А 04417. Формат 70×108¹/₈. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 280. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-59; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат —
250-46-98; Литературных приложений —
212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)
(095) 943-00-70

Телетайп (внутрисоюзный) 112349
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов
не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица
«Правды», 24.

ВЫБОР СД

Шума от них, разумеется, много, так ведь и пользы не меньше.

О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ. Завершаю повествование наиболее сложной для меня и болезненной для иных темой. Избежать этого разговора совершенно невозможно. Вообще могу признаться, что если бы ордена только украшали людей, как их украшают кулоны, то есть несли одну эстетическую функцию, а не социальную и нравственную, я бы не вцеплялся в эту тему с таким бульдожьим упорством.

Увы, Постановление «О совершенствовании...» так и не стало плотной на пути наградного паводка. Более того, у меня создается впечатление, что ордена все еще не утратили свою «допинговую» сущность. И раньше так было, и сегодня: едва кончается действие одной награды, кстади сказать, определенное теперь в пять лет, как срочно требуется «подкалывать» новую порцию. Ну, кажется, все имеет имярек: он Герой Социалистического Труда, и лауреат многих премий, в том числе Ленинской, и ордена у него куры давно не клюют, и спит он спокойно, поскольку, представим себе, получил все это заслуженно, но будто приближается время «ломки», и вновь издается Указ о награждении его пусть небольшим, но все же орденом.— да зачем он ему? И что это за труженик такой, если разучился работать «не за страх, а за совесть», как говаривали прежде, а умеет только «не за совесть, а за орден», как надо говорить теперь? Правда, учитывая то обстоятельство, что он не сам себе подписывает Указы, не знаю даже, сердиться на него или ему сочувствовать?

Потороплюсь напомнить читателю: есть у нас, конечно, и самоотверженные работники, и мужественные борцы за перестройку, которых необходимо поддерживать и, возможно, даже награждать, но чем? Орденами и званиями, то есть официальным признанием? Или народ их наградит доверием и любовью, то есть признанием общественным? Право, не знаю, что они сами по этому поводу скажут, но мне кажется, нет у них в этом смысле альтернативы: истинные прорабы перестройки в допингах не нуждаются. По мне, так лучше знать о человеке, что он «достоин, но не имеет», чем «имеет, но недостойн».

Итак, мы у самого подножия трудного разговора, посвященного социальной справедливости. Если закон и общество решат награждать в дальнейшем только людей достойных, к тому же за реальные дела и по их конечным результатам, то логическим продолжением такого решения должна стать «забота» о наградах, несправедливо розданных в далеком и недавнем прошлом. Постановление по этому вопросу опять целомудренно молчит. Но я не уверен, что все мы способны смириться с тем, что многие люди все еще носят реальные награды за липовые заслуги. Не думаю, что всем нам достанет великодушия не замечать того, что кто-то все еще пользуется нечестно полученными привилегиями. Не каждый из нас сумеет отвести взор от, прямо скажем, реликтовых дважды Героев Социалистического Труда, столкнувшись с ними на улице, по которой они, правда, ногами не ходят, а все еще катят в черных «Волгах».

Нет, читатель, не ждите: имен и фамилий и на сей раз не будет. Не жажду я чужого позора. Хочу справедливости всего лишь, но не забывая о том, что под лозунгом социальной справедливости и голы могут лететь, и кровь может пролиться. Так будем сдержанны и осторожны, уповая на то, что «стыд,— как сказал великий философ Владимир Соловьев,— есть начало совершенствования». Впрочем, не слишком ли я наивен? В таком случае люди, о которых я говорю, должны понять: если я не называю фамилий, это не значит, что их не назовут другие, а дело определенно идет к тому, что скоро начнут называть. Не будем думать, что все они пребывают в младенческом неведении относительно заслуженности своих привилегий: в отличие от нас с вами они-то как раз точно знают, кем, когда и за что «делались» и «давались» им ордена и звания. На что же теперь рассчитывают? Что про них все же забудут под шум перестройки? Или, на то, что процесс пойдет вспять и останется только почистить награды бархоткой? Вот уж кому в таком случае перестройка, как кость в горле, но неужели они не понимают, что мы и это про них знаем? Почему ж не находят в себе мужества отказаться от всех этих «радостей», почему тихо сидят, как мыши за веником, тоскливо и обреченно ожидая, когда начнут отбирать при помощи Указов «о лишении»? В конце концов чем быстрее человек избавится от чужого, тем быстрее у него останется собственное.

Понимаю: сегодня трудно найти смельчака, рискнувшего публично не принять предложенной ему награды, хотя такое право, как ни парадоксально это прозвучит, должно безнаказанно предоставляться

каждому. Но публично отказаться от ТЕХ лауреатств?! — как говорится, под бурные аплодисменты всего зала. Не представляю себе газеты, которая не поместила бы на своих страницах десятки строк заявления о добровольном возврате незаслуженных наград. Трудно решиться на такой шаг? Трудно. Жалко терять так много привилегий? Жалко. Но ведь все потерять может и тот, кто обладает совсем немногим. Куда важнее, товарищи, сохранить лицо, и этот шанс должен быть предоставлен этим людям: такова еще одна причина, по которой не надо торопиться с фамилиями. Говорят, что гроссмейстер умеет рассчитывать партию на двадцать ходов вперед, мастер — на пять, а новичок как минимум на два.

Ну что ж, время «пошло». Теперь ваш ход, «лауреаты»!

Закончу все же опубликованием некоторых фамилий, но прежде напомню читателю недавний «Телесерпантин», который вел Марк Захаров. Разговаривая с Андреем Кончаловским, он спросил своего собеседника (примерно так): в чем, с его точки зрения, особенно остро нуждается наша сегодняшняя жизнь? Задай он этот вопрос мне, я попросил бы сутки телевизионного времени и после безостановочного перечисления претендовал бы на строчку в Книге рекордов Гиннеса. Кончаловский ответил одной фразой, даже одним словом, сказав его проникновенно, без актерского нажима: «В личностях».

И вот, представьте, буквально через неделю состоялась читательская конференция, на которую и меня пригласили, я не пошел из-за болезни, но знаю, что там произошло. Ведущий, социолог по профессии, обратился к молодежной аудитории с просьбой назвать ныне живущих рядом с нами людей, обладающих правом именоваться «Личностями», он сказал: с большой буквы. Не стану тратить время на описание страстей, которые там разбушевались, сразу скажу о результате. Залом был выработан список из тридцати фамилий, тридцать первую добавили уже под занавес. Приведу список весь, уверенный в том, что он может быть каждым из нас и оспорен, и продолжен, и укорочен, но вести полемику вне зала со мной вы, надеюсь, не будете. Тем не менее обратите внимание на размах крыльев у этого списка: есть в нем и Святослав Рихтер с Виктором Астафьевым, и Сергей Аверинцев с Аллой Пугачевой, и Роланд Сагдеев с Роланом Быковым, и Валентин Распутин с Виталием Коротичем, и Дмитрий Лихачев с Гавриилом Поповым, и Юрий Карякин с Михаилом Горбачевым, и Андрей Сахаров с Майей Плисецкой, и Андрей Нуйкин с Алексеем Германом, и Альфред Шнитке с Борисом Ельциным, и Гарри Каспаров с Николаем Сивковым («архангельским мужиком»), и Григорий Бакланов с Леонидом Абалкиным, и Василий Белов с Булатом Окуджавой, и Татьяна Заславская с Ильей Глазуновым, и Владимир Кабадзе с Владимиром Дудинцевым, и Святослав Федоров с Борисом Гребенщиковым, и после совсем уж отчаянных дебатов в список вошла Жанна Агузарова. Все.

Сознаю: приведенный мною список может вызвать и раздражение, и удовлетворение, и, что называется, ноль эмоций, но это зависит, собственно, от каждого из нас, а не от каждого из них. Короче говоря, можно как угодно относиться к этому перечню, приняв ту или иную фамилию с большей или меньшей симпатией, можно какие-то имена вовсе не принимать, но давайте сойдемся в главном: перед нами индивидуальности, дополнительной чертой которых является еще их известность, популярность.

Но самое интересное заключается в том, что правом называться личностью обладают и многие «выборщики», то есть люди, составившие список, как и многие «оценщики», то есть люди, читающие сейчас эти строки и вырабатывающие свое отношение к списку. Какими критериями в конце концов определяется «личность»? Как минимум нестандартностью личных качеств, причем вовсе необязательно признанной окружающими, но ощутимой самим человеком: вспомните провозглашенную Андреем Платоновым «самность». А таких людей на земле, в том числе и в нашем обществе, конечно, не три десятка, а, условно говоря, легион. Что же касается награды, то по отношению к ним личность всегда обладала и будет обладать самостоятельной ценностью, совершенно независимо от того, имеет значок лауреата или нет. Когда-то Сталин провозгласил лозунг «Кадры решают всё!» Мне кажется, что в ту пору, когда личностям повально заменяли сердца на пламенные моторы, они становились «кадрами». Если сегодня «кадрам» вернуть сердца, они вновь превратятся в личности, которые как раз и способны все решать.

Именно от них будут зависеть качество нашей жизни и судьба перестройки.

Вы не согласны?

КАЖДЫЙ ИЗ НАС

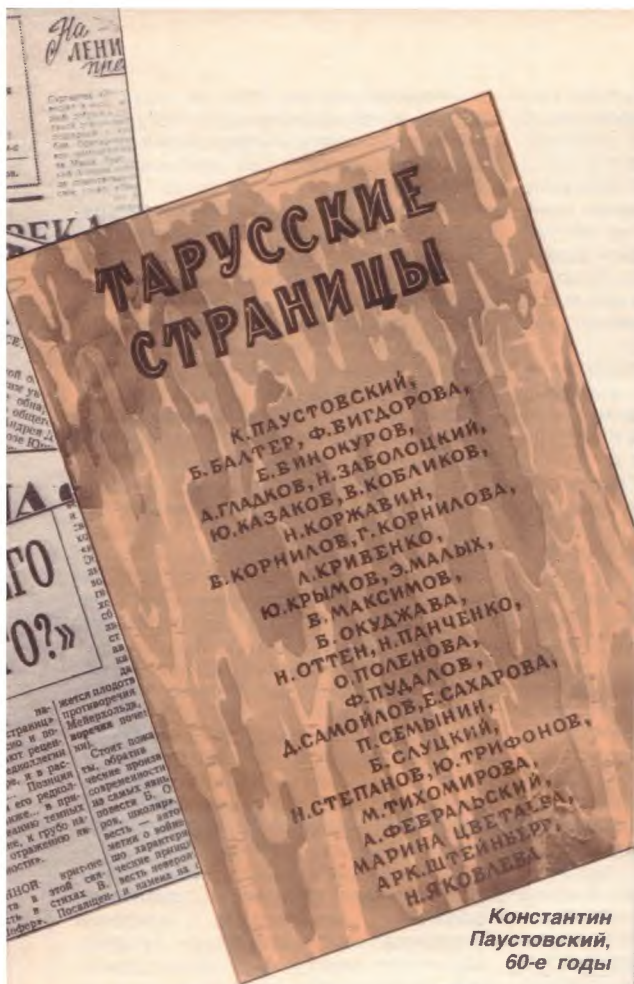
ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Илья МИЛЬШТЕЙН

История, о которой пойдет речь, случилась почти тридцать лет назад в Калуге. Происшедшее было связано не столько с местными особенностями, сколько с теми изменениями, которые обозначились в жизни всего общества. Началась эпоха XX съезда. Новая действительность ожидала новой литературы. Многие руководители, борясь на словах с ретроградными, на деле обнаруживали крайнюю непоследовательность в области культуры и склонность прислушиваться к мнению тех, кто по привычке продолжал всюду искать и находить заговоры. Разгром «Литературной Москвы», травля Дудинцева, постыдное «дело Пастернака» — все это происходило тогда.

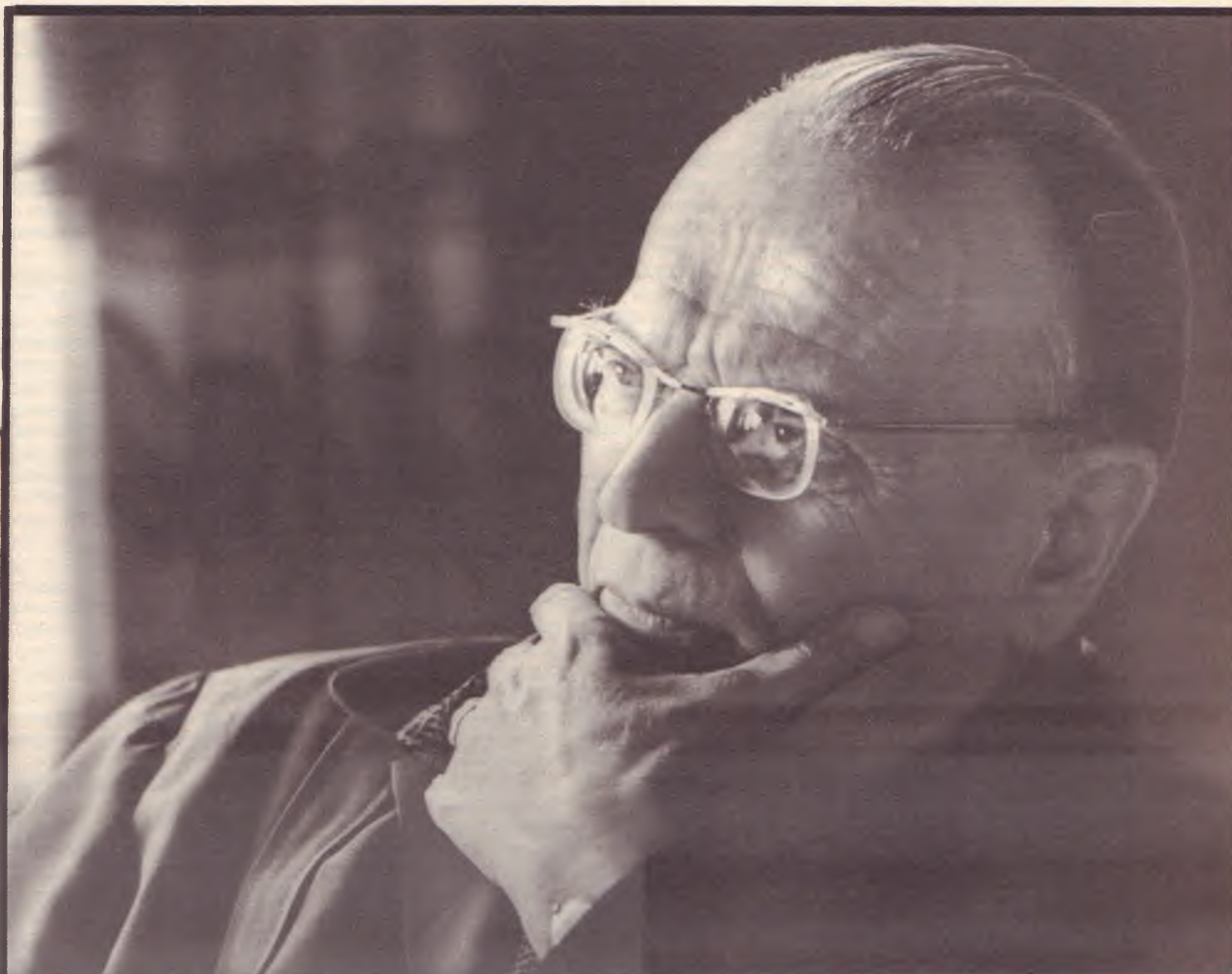
Страх скрывался за маской презрения и гнева. «Сейчас в литературе толчется кулка неких что-то пишущих пижонов,— заявлял в 1961 году на страницах газеты «Литература и жизнь» Всеволод Кочетов.— Пишут они о том, что у них произошло в постели ночью... о том, что увидели они из окна троллейбуса на московских тротуарах, о том, как пушит снег на Никитском бульваре,— чирикают, выходят со своим чириканьем на подмостки «творческих вечеров», аплодисменты девиц со средним образованием принимают как знаки всеобщего признания, и, упоенные дешевым успехом, все дальше отстраняются от большой народной жизни».

Тем не менее литературная жизнь развивалась. Здоровые силы общества, пробужденного от тоталитарного гипноза, готовили демократические преобразования, порой находя поддержку у здравомыслящей части партийного аппарата.

Константин Паустовский, 60-е годы

Так начинались «Тарусские странички». На снимке: Н. Панченко, В. Кобликов, Б. Окуджав

Страсти, кипевшие в столицах, выплескивались на периферию. Провинция, как и во все времена, жила надеждами, спорами, слухами, столичными новостями. И было чувство, переполнявшее многих: вот-вот начнется... Что — начнется? А жизнь. Предполагалось, что начнется она где-нибудь там, в Москве... но было еще и стремление, которое выглядело очень дерзким, но уже не казалось бессмысленным: начать самим. Во всяком случае, не расстреляют, не загонят в лагерь, не посадят в тюрьму. Иные времена.

1 октября 1959 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР издали постановление «О литературно-художественных альманахах», призывавшее «принять меры по улучшению выпуска художественной литературы местными издательствами». В конце того же года в Калужское книжное издательство пришел новый главный редактор. Его здесь знали, он был местным автором. Экономист по образованию, Роман Левита выпустил две брошюры, готовил книгу. В издательство его, по терминологии тех лет, «бросили на укрепление». Укреплять следовало прежде всего экономическую базу: слабо оснащенное, повязанное по рукам и ногам разными планами и инструкциями, издательство задыхалось под бременем расходов, связанных с выходом малопопулярной сельскохозяйственной, политической да и художественной литературы. Литературный отдел — его возглавлял поэт Николай Панченко — печатал произведения местных авторов, что ни писателям славы, ни читателям радости, ни издательству денег не приносило. Это угнетало и редактора, и нового главного редактора, и директора А. Ф. Сладкова. Недавнее постановление ЦК оказалось как нельзя кстати. Издательство решило его выполнить...

В небольшом кабинете, который на пару занимали Левита и Панченко, довольно скоро родилась идея. Она была проста, и ничего оригинального в ней вроде бы не содержалось. Идея такая: издать альманах. Она была неоригинальной хотя бы потому, что альманахи в Калуге уже издавались. В нем участвовали опять-таки местные авторы, иногда удавалось привлечь и кого-нибудь из

маститых, но это — как исключение, после долгих уговоров, напоминаний, встреч... Новизна заключалась в другом.

Экономист Левита и поэт Панченко задумали сделать свое бедное издательство богатым. Экономист обладал хорошим литературным вкусом, а поэт — экономической хваткой. Решено было, что районный альманах должны прежде всего составлять произведения, отмеченные печатью таланта. Их авторами могут быть как современные прозаики и поэты, так и писатели прошлого. Попутно выяснилось, что талант — критерий абсолютный, а паспортными данными писателя можно пренебречь. Неважно, где он жил или живет — в Москве, Ленинграде, Тарусе, Елабуге... Если хоть раз прикоснулся к калужской земле, значит — калужанин. Конечно, не в экономике тут было дело. Просто очень хотелось издать хороший литературный сборник. В этом и заключалась крамола.

История калужского альманаха, случившаяся во времена оттепели, — классический пример риска, дерзкого авантюры, без которой немислим литературный процесс.

Конечно, издательству повезло. Повезло, что в Тарусе жил К. Г. Паустовский. Без его помощи, участия и защиты альманах бы не вышел. Имя Паустовского было хорошим прикрытием, и это подсказало название сборника — «Тарусские странички». К слову сказать, Таруса многие годы служила прибежищем для людей с неблагополучной биографией. Здесь жили и А. Цветаева, и А. Эфрон, и Н. Мандельштам, и писатель Б. Балтер, и поэт Н. Зabolockiy. Отбыв срок в лагере, в Тарусе поселился поэт и художник Арк. Штейнберг. Сюда приезжали молодые поэты, художники. Провинциальный городок сохранял свои культурные традиции, заложенные в начале века. Паустовский, который еще недавно вел семинар в Литературном институте, знал молодых писателей и был рад возможности пригласить их в Тарусу — в «свой» альманах.

Паустовский предложил и составителя сборника — кинодраматурга, критика Н. Д. Оттена, в то время постоянно

жившего в Тарусе. Выбор был правильным: Оттен сразу же загорелся этой идеей и активно включился в создание альманаха.

«Тарусским страницам» этот человек был необходим, — вспоминает поэт Владимир Корнилов, — знаете, как бывают необходимы дрожжи в тесте. Он любил писателей, любил литературу и любил игру. Часто бедствовал, но вечно кому-то помогал, кого-то куда-то устраивал, горячился по пустякам, сражался за справедливость — без этого жить не мог! Он был благородным человеком, порою храбрым, способным на поступок. В 49-м угодил в космополиты, ждал ареста... Жизнь его была до самого конца, но сломать не могла. Он старался не для денег — для игры!.. И часто проигрывал. Вряд ли он был удачлив, но благодаря его отзывчивости, стараниям, напору ко многим его друзьям пришли удачи. Такие люди, как Оттен, нужны, их не хватает сейчас».

В редакционную коллегию альманаха, кроме Оттена, вошли В. Кобликов, Н. Панченко, К. Паустовский и Арк. Штейнберг. Деятельную помощь оказывала писательница Е. Гольшьева, жена Н. Оттена. Дело пошло быстро: все понимали, что надо спешить. В Калугу и Тарусу, где находился «штаб» альманаха, стали приезжать будущие авторы. Кого-то приглашали, кто-то приезжал сам. Предварительных списков не было, все решалось на месте. Спорили с авторами, спорили между собой, ругались, мирились — кипела жизнь. Все понимали, что происходит нечто необычайное, небывалое до сих пор. Хлынул поток рукописей. С ходу не отвергалось ничего. Предъявлялись, впрочем, два жестких требования. Во-первых, произведения должны были обладать несомненными литературными достоинствами, поэтому даже для написания необходимых сборнику «очерков наших дней» приглашались профессионалы, и среди них К. Паустовский, Ф. Вигдорова, Н. Манделштам (она печаталась под псевдонимом Н. Яковлева). Во-вторых, на страницы альманаха попадало только то, что печаталось впервые.

Публиковались неизвестные стихи Марины Цветаевой и Николая Заболоцкого, воспоминания о В. Э. Мейерхольде, неизвестная ранняя повесть Юрия Крымова, «Новые материалы о жизни и творчестве В. Э. Борисова-Мусатова». Пробивались к читателю молодые и не очень молодые писатели, не имевшие возможности напечатать самое важное для них в других издательствах или хранившие до поры свои рукописи в столах. Пришел с новым рассказом «благополучный» Юрий Трифонов. К. Паустовский опубликовал главы из книги «Золотая роза». Что же касается многих других, то «Тарусские страницы» фактически открывали читателям таких поэтов, как Наум Коржавин, Владимир Корнилов, Борис Слуцкий, Николай Панченко, Давид Самойлов: таких прозаиков, как Юрий Казаков, Булат Окуджава, Владимир Максимов, Борис Балтер... Некоторые из них печатались и ранее, но только на страницах альманаха смогли заявить о себе во весь голос. Так, Б. Слуцкий, по всеобщему признанию, опубликовал в сборнике лучший свой прижизненный цикл стихотворений. Помню, с какой жадностью мои сверстники (родившиеся примерно в один год с альманахом) читали в конце 70-х «Тарусские страницы», с грустной дощатостью отменяя в чем-то схожие судьбы его участников: эти умерли, те далеки, один здесь, исключен из Союза, другой печатается, но его старую повесть не переиздают, попала в «черный список»... И десять, и двадцать лет спустя «Тарусские страницы» поражали пестротой и богатством содержания, разнообразием имен и однообразием судеб, но более всего тем, что отличает настоящую литературу от ее многочисленных эрзацев — соединением смелости и таланта.

Однако я сильно забежал вперед. Между тем сборник еще не вышел,

а над ним уже начали сгущаться провинциальные тучи. Некоторые калужские писатели, обиженные тем, что их не пригласили участвовать в альманахе, зачастили в обком. Их принимал заведующий отделом пропаганды П. П. Ананьев, который с первых же дней стал принципиальным противником «Тарусских страниц», хотя и в глаза не видел ни одного из готовившихся к печати произведений. Он несколько раз вызывал главного редактора и предлагал обсудить альманах на собрании «местной писательской общественности». Левита понимал, чем может закончиться такое собрание, и был тверд: у сборника есть редколлегия, приглашайте ее... Редколлегия резко возражала, а Паустовский был не той фигурой, чтобы Ананьев мог ему приказывать. К тому же за альманах был секретарь обкома по идеологии А. К. Сургаков, и ему поначалу удавалось несколько охладить идеологический пыл своего подчиненного. Так, выигрывая один за другим бои местного значения, «Тарусские страницы» неуклонно продвигались вперед. Вскоре сборник был подготовлен и запущен в типографию. С верстки — таков порядок — он поступил в цензуру.

«Разрешал» альманах начальник Обллита Г. И. Овчинников.

«Он был такой — демократ и, в сущности, порядочный человек, — рассказывает Н. Панченко, — но тут вдруг в последний момент испугался и отказался ставить подпись. Мы задумались: что ему противопоставить? И поняли, что нашей логики и убеждения будет недостаточно. Мы не знаем слов, которые надо произносить в подобных случаях. Поняв это, стали уговаривать Сладкова, который в таких делах был более опытен, пойти и поговорить с цензором. Директор согласился и как-то удивительно легко все уладил. Он, как мы узнали потом, сказал Овчинникову такие слова: «Геннадий, ты не даешь «лит» как цензор? В таком случае покажи мне инструкцию и параграф». Тот отвечал, что возражает как коммунист. «Так вот, как цензор ставь подпись и печать, а как коммунист пиши письмо в обком!» Он вздохнул и подписал, надел свои черные наруканники и сел писать письмо в обком. Кажется, так и не написал... После, когда начался разгром, он пострадал одним из первых: уже пожилого человека, его сразу отправили на пенсию. Мне его больше всех жалко!»

«А пока Овчинников колебался, — продолжает рассказ Р. Левита, — мы не спали ночей, бегали в типографию, вбешены ушлецивали наборщиков и бесечно качали тираж. Поскольку ситуация стала очень тревожной и у нас были все основания считать, что издание в любой момент может быть приостановлено, приняли такое решение: в спешном порядке отпечатать тысячу экземпляров. А уж потом спокойно дорепечатывать остальной тираж.

Болело все издательство! Корректоры сидели днями и ночами, вычитывая сборник. Кажется, первый раз в жизни они выпускали что-то настоящее. Окончив свой труд, оставили на столе записку: «Последний лист считан, уходим домой. 6.30 утра». И так, быстро отпечатали тысячу, затем еще 30 тысяч — вышел первый завод. Больше, к сожалению, не успели».

«Тарусские страницы» ныне библиографическая редкость. Первая тысяча, отпечатанная на белой лощеной бумаге, — раритет. Заглянем в выходные данные: тираж 75 тысяч. И не поверим цифре. На самом деле — 31 тысяча. Более ни одного экземпляра не вышло. Что же произошло?

Видимо, кому-то из начальства пришла охота раскрыть альманах и углубиться в чтение. Углубившись в чтение, начальство ужаснулось. Чему ужаснулось? С точки зрения современного читателя, ужасаться было решительно не

чему. Ни политики, ни литературных поэмик — проза, стихи, воспоминания, множество иллюстраций и репродукций. Разве что Фрида Вигдорова, процитировав уже известную читателю кочетовскую тираду о «литературных пижонах», мягко указала ему на то, что «если литератор не видит, как пушист снег на Никитском бульваре, то какой же он литератор?». Едва ли это можно было расценить как посягательства на основы.

Булат Окуджава вспоминает, что один литературный критик — «отвратительный тип», — увидев сборник, радостно кричал, что разгромную статью на него можно писать не читая: по одному подбору имен. Известно также, что часть тиража продавалась в фойе XXII съезда, состоявшегося в октябре 1961 года. Тут простор нашему воображению: можно поразмышлять, кто из покупателей был способен повлиять на дальнейшее развитие событий. Многие могли повлиять — на съезде присутствовало немало литературных и иных «генералов». Но нет фактов, и догадки строить не на чем. Одна из них, правда, была столь упорной, что дожила до наших дней. Согласно этой версии, все, что случилось потом, было направлено лично против К. Г. Паустовского, чья безукоризненная репутация и независимый характер сильно кое-кого раздражали...

Однако обратимся к фактам. В конце ноября 1961 года Н. Д. Оттен пишет своему знакомому: «Огорчаюсь по поводу молчания прессы о «Тарусских страницах». Прошел месяц с тех пор как сборник вышел, а у нас о нем ни слова, кроме упоминания в «Неделе». А ведь это, ей-богу, книга, а не еж! Ее можно взять в руки и о ней не опасно говорить. Пусть в ней есть что-либо спорное, но ведь это честная попытка писателей сделать книгу на той периферии, с которой они тесно связаны! Неужели групповщина так заела людей, что они не желают замечать ничего, что ни к каким группам не принадлежит?!»

Оттен испытывал беспокойство, ибо по своему опыту хорошо знал, что стоит за таким молчанием прессы. Ждать пришлось недолго. В субботу, 23 декабря 1961 года, в калужской газете «Знамя» появилась статья, подписанная заведующим кафедрой литературы местного пединститута Н. Кучеровским и доцентом той же кафедры Н. Карповым. Само название статьи уже не оставляло никаких надежд: «Во имя чего и для кого?»

Для тех, кто инспирировал эту статью, ответ на сей вопрос звучал весьма неприятно. Альманах пользовался читательским спросом; калужский облторг получил на него огромное количество заказов, значительно превышавшее объявленный тираж. Нечего и говорить, что издательский план был перевыполнен и теперь его можно было перевыполнять достаточно долго: дорепечатывать тираж, а в перспективе — издавать новый сборник...

Тридцать лет спустя статью Кучеровского и Карпова трудно читать, тем более цитировать. Мешает известное чувство брезгливости, к которому примешиваются растерянность и досада: зачем же так писать о литературном сборнике, с ходу приклеивая политические ярлыки, с ходу предъявляя политические обвинения, какие свойственны скорее жанру доноса, а не критической статье.

Однако почитаем. Выясним, что «идейно-художественные» и «идейно-эстетические» ошибки составителей сборника заключаются прежде всего в публикации стихов Марины Цветаевой (попутно отмечу, что в «Тарусских страницах» была опубликована и проза поэта — впервые в СССР). «Призывая понять и полюбить стихи этой поэтессы, — негодуют авторы статьи, — Всеволод Иванов пишет (на страницах альманаха. — И. М.): «Любовь объясняет все, так же как

и прощает многое, если не все». Эта позиция всепрощения и эстетской любви выражена в стремлении обойти противоречия в деятельности Мейерхольда...»

Что ни в коем случае нельзя прощать Марине Цветаевой, видно из следующего абзаца. Оказывается, «отрывок из поэмы «Лестница», написанный в стиле футуристической зауми, полон смятенных чувств, растерянности перед жизнью, страха перед «робкой мебелью» нищеты, окружившей поэтессу.

Эту поэзию мятущихся, недосказанных мыслей понять до конца трудно, а полюбить нельзя...»

Зато других поэтов, опубликованных в сборнике, понять оказалось просто. Так, например, в повести в стихах В. Корнилова «Шофер», «по существу, дискредитируется моральный облик покорителей целины, чьи горячие сердца и золотые руки дали родной стране миллиарды пудов хлеба». Это почему дискредитируются? Потому что живут они в поэме бедно, неопратно, в грязных целинных бараках, пьют («вся повесть как бы пропитана густым запахом спиртного!»), да и любовь у них не любовь, а «моральная беспринципность... оттошений». «Всякое бывает в жизни, — веско замечают авторы, — есть в ней теневые стороны. Но литература социалистического реализма, обличая недостатки, призвана утверждать... моральный кодекс строителя коммунизма, веру в высокое достоинство человека. Нам не нужны «идеальные» герои, ходячие добродетели. Пусть писатель покажет сложность и противоречивость человеческой жизни, но помнит при этом, во имя каких положительных идеалов он это делает».

Что касается стихотворений Б. Слуцкого, А. Штейнберга, Н. Панченко, Н. Коржавина, то им — всем скопом — «недостает чувства времени». К тому же нередко они «лишены глубины идейного содержания...». Еще хуже дела обстоят с Е. Винокуровым. Его поэзия «страдает отсутствием ясной, определенной мысли и натуралистичностью описаний». Он «с пафосом» описывает работу полотера, но пафос этот «ложный». А стихотворение «Та женщина костлявая была» «может лишь оскорбить достоинство человека преклонного возраста».

Наконец, «нельзя умолчать и об опубликовании стихотворения Н. Заболоцкого «Бегство в Египет», в основу которого лег евангельский сюжет. Каков бы ни был реально-бытовой план и «психологический подтекст» стихотворения «Бегство в Египет», ему не место в сборнике «Тарусские страницы». Не место, и все.

Это о поэзии. Много внимания уделено и прозе. Так, повесть В. Максимова «Мы обживаем землю» — «клевета на жизнь советских людей». Примерно то же самое говорится о рассказах Ю. Казакова. «Авторская позиция сказывается в... навязывании читателю ложных представлений о безрадостности жизни современной деревни, об извечности уродливых страстей и стремлений людей». Следующая фраза должна быть признана классической: «Спекулируя на фактической возможности существования подобных Камнину типов (рассказ «В город» — И. М.), Ю. Казаков придает образу масштабность, значение жизненной нормы». То есть существование «подобных» неприятных «типов» вроде бы «фактически возможно», однако изображать их нельзя. А ежели автор, насмотревшись на них в жизни, все же изображает таких героев, то исключительно «спекулируя на фактической возможности существования». Вот так.

Продолжение на стр. 25.

Много обвинений в «натурализме» и даже в порнографии: «разного рода эротически грязные истории происходят почти со всеми персонажами эпических произведений сборника». Читатель, не знакомый с произведениями сборника (в Калуге его вообще запретили продавать), подумал, наверное, бог знает что, хотя на самом деле «персонажи» обнимались, целовались и мучились от измен. «Не случайно, — догадывались авторы, — ...в сборнике берется под обстрел статья В. Кочетова... в которой он выступил против ...кучки литературных «пижонов», подделывающих под чуждые нам вкусы».

В конце статьи досталось и Паустовскому, который «слишком рано и не слишком скромно объявляет... Тарусу литературным и художественным центром Подмосковья. Не следует желаемое выдавать за действительное!»

Вывод звучал приговором: «Забвение принципов партийности в литературе, безыдейность, эстетски-объективистский взгляд на жизнь, натуралистическое копирование отрицательных явлений действительности могут заслужить лишь справедливое осуждение со стороны нашей общественности».

События развивались стремительно. 9 января 1962 года в «Литературной газете» появилась статья Е. Осетрова «Поэзия и проза «Тарусских страниц». Статья вышла противоречивая. Автор много не договаривал, однако для посвященных по мере чтения все становилось на свои места.

Главная цель критика заключалась в том, чтобы опровергнуть статью калужских «литературоведов», ни словом о ней не упоминая. А ежели опровергнуть не удастся, то хотя бы дать им понять, в каком тоне следует писать о литературе. В создавшейся ситуации это казалось единственным шансом хоть как-то защитить сборник и требовало от редколлегии даже некоторого мужества. Такими были в те годы условия игры. «Литературная газета» попыталась сформировать у общесоюзного читателя в общем доброжелательное отношение к «Тарусским страницам» (ну, вышел сборник и вышел, ничего страшного), не опускаясь, однако, до перебранки с областной газетой — как бы не тот уровень. Цель была благородная, но способ ее достижения оказался не совсем удачным.

Обругав Окуджаву, автор, сам того, может быть, не желая, добавил к списку «уличенных» Кучеровским и Карповым писателей еще одно имя. Ю. Казакова критик назвал «блестящим имитатором» Чехова и Бунина и, естественно, задался вопросом: «Является ли подлинным искусством самая тонкая, самая умелая имитация?» Ответ получил отрицательный. Сегодня, когда писатель занял подобающее ему высокое место в истории русской литературы, а три рассказа, напечатанных в альманахе, признаны классическими, можно пожалеть об ошибке критика, не забывая при этом, что именно Е. Осетров одним из первых назвал Юрия Казакова «превосходным стилистом, владеющим искусством плавной, исполненной внутреннего благородства фразы».

Что до поэзии, то она в целом «не приобщила нас к злобе дня, не запечатлела современности». После калужских обвинений в клевете на советский народ и политической неблагонадежности это прозвучало почти как вызов...

Последние два абзаца статьи были, по-видимому, обращены не к читателю, а прямо наверх — к литературному и прочему начальству. «Итак, какой же вывод мы сделаем о «Тарусских страницах»? — спрашивал Е. Осетров. — Однажды Константин Паустовский назвал Тарусу нашим отечественным Барбизоном. Это сравнение, на наш взгляд, имеет чисто внешний характер. Известно, что окрестности Фонтенбло были для французских художников не просто приятным спокойствием, отдыха и вдохновения. Барбизонская школа стремилась

к правдивости и безыскусственности в противовес господствовавшему тогда во Франции официальному академическому искусству. У барбизонцев была своя эстетическая программа.

У авторов «Тарусских страниц», конечно же, нет никакой отличной от всей нашей литературы своей «тарусской» эстетики. Но живой думает о живом, и слабость современной тематики стала главным недостатком этой во многом привлекательной и умной книги».

Таким образом, «Тарусские страницы» признавались фактом советской литературы, авторы альманаха — советскими писателями, у которых нет и не может быть никаких разногласий с искусством социализма. Тех, кто всюду искал заговоры, следовало успокоить. Здесь вам не окрестности Фонтенбло, убеждал критик, не какой-нибудь Барбизон, здесь, братцы, Таруса... Но ком уже катился с горы.

В тот же день, когда в «Литературной газете» была опубликована статья Е. Осетрова, на калужском бюро обкома состоялось обсуждение работы издательства по выпуску сельскохозяйственной литературы. Докладывал главный редактор. Некоторые восприняли это всерьез и начали обсуждать достоинство сельскохозяйственной литературы. Они были не в курсе дела. А. А. Кандренков, недавно назначенный первый секретарь обкома, оборвал прения и спросил, обращаясь к Левите: «Что вы нам можете сказать по поводу статьи в газете «Знамя»?»

Важная деталь: в том же номере газеты, на той же странице, где была напечатана статья Кучеровского и Карпова, помещалась весьма доброжелательная рецензия на книгу Р. Левиты. Намек главному редактору был прозрачен: лично против вас мы ничего не имеем, признайте свои ошибки и ступайте работать дальше... Крови никто не жаждал — не те времена. Предстояло сделать выбор.

Левита был краток: со статьей, уничтожающей сборник и объявляющей его идейно порочным, он категорически не согласен. Гораздо ближе к истине статья, опубликованная только что в «Литературной газете», корректно отмечающая и положительные, и отрицательные стороны альманаха.

«Что тут началось! — вспоминает Р. Левита. — Во время «обсуждения» я пытался вести запись. Вот они, эти листочки, чудом сохранившиеся с тех пор. Берегу их как реликвию...»

Выступает редактор местного «Знамени» А. П. Бекасов: «Издательство проявило полную беспринципность!.. пошлятина!.. стихи Винокурова про полотера — апология рабского труда!.. молодежь у нас растет вкряк и вкось, а вы ей в этом отношении помогаете!.. грубейшие идейные ошибки, тенденциозность от начала до конца!.. это не просто плохой сборник, это сборник вредный».

Слово берет Ананьев: «Вы, Левита, пренебрегли теми рекомендациями на расширение авторского актива, которые вам дал обком!.. Вы наплевали на общественные начала, на местных авторов!.. политическая незрелость!.. преклонение перед авторами!.. скатились с правильных партийных позиций!..»

Еще один выступавший, уже не помню кто: «Ю. Казаков — совершенно безыдейный... очень талантлив? тем опаснее... он капает в душу советской молодежи — яд!.. Паустовский — идейный путаник!» и т. д.

Черту подвел Кандренков. «Вы говорите, что не согласны с мнением нашей газеты, однако «Знамя» — это партийный орган, а «Литературная газета» — беспартийный! Вы не имеете права соглашаться с беспартийным органом, если партийный дал другую оценку!»

В итоге всем по выговору, а нашему защитнику Сургакову поставить на вид. И приостановить дальнейшее печатание!»

Прошло некоторое время, и на стра-

ницах «Литературы и жизни» появилась «пародия» некоего Теодора Орисио, обращенная к творчеству Ю. Казакова. Издаваясь над Е. Осетровым, сравнившим писателя с Буниным и Чеховым, сатирик не стеснял себя ни в чем и явно преуспел в жанре пасквиля.

Заканчивалась «пародия» так: «За окном заосеняло, запаустовело. Бунин и Чехов перевернулись в своих гробах».

Заметим, что между двумя столичными газетами в те годы шла упорная, хотя и достаточно скрытая борьба. Стоило «Литературной газете» чуть высунуть голову (опубликовать, скажем, «Бабий яр» Е. Евтушенко), как «Литература и жизнь» скоро и грубо ее осаживала, являя хороший пример средства быстрого реагирования (как сказали бы мы сегодня). Судьба «Тарусских страниц» была лишь эпизодом в этой жестокой борьбе, впрочем, достаточно ярким и поучительным. Поучительным хотя бы потому, что левая «Литературная газета» потерпела бесславное поражение.

«Литература и жизнь» не ограничилась одним ударом. Через несколько дней на страницах газеты появилась редакционная статья, в которой одобрительный пересказ публикации в «Знамени» сопровождался собственным уничижительным разбором калужского альманаха. Кое в чем, по мнению московской газеты, провинциальные коллеги-проработчики хвятили через край, а кое-чего не заметили. «Стоит сожалеть, что рецензенты, обратив внимание на прозаические произведения, посвященные современности, прошли мимо одной из самых ярких неудач сборника — повести Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр». Между тем эта повесть... достаточно хорошо характеризует идейно-эстетические принципы литератора. Повесть невероятно мелка, в ней нет и намека на смысл и идеи справедливой войны. Герой повествования вовсю обнажает потребительскую свою сущность, упражняется в эгоцентризме на самом низшем уровне».

Заклеймив «Школяра», «Литература и жизнь» занялась непосредственно Е. Осетровым, чей робкий замысел представлял альманах безобидной, даже как бы старомодной книгой был ею немедленно разгадан и осужден.

Редакция «Литературы и жизни», натеревшая в политических играх еще в 40—50-е годы, объясняла читателям, зачем понадобилось критику указывать на «познавательность» книги и сожалеть, что «современная тема не заняла» в ней «подобного места». Как бы не так! Книга современная, в этом и вред ее, как бы ни стремился Е. Осетров увести разговор к некоторым малозначительным частностям. «Но о том ли написана его рецензия? И во имя чего она написана?»

Тем временем в Калуге состоялось бюро обкома, куда в спешном порядке были доставлены директор издательства и заболевший Левита. Оно оказалось коротким. Был оглашен приказ: во изменение предыдущего решения главного редактора с работы снять. Товарищу Сладкову заменить выговор на строгий выговор. Других мнений нет? Все свободны.

«Кажется, в феврале 1962 года, — рассказывает Н. Панченко, — уже уволившийся из издательства, я бегал по Москве с письмом, которое мы сочинили с Оттенком. Мы объясняли цели сборника, возражали против калужской статьи, против общего решения. Письмо подписали в основном авторы «Тарусских страниц», в том числе, конечно, и Паустовский. Мы понимали, что ни директора, ни главного редактора, ни Сургакова уже не спасти, и цель наша была проще — защитить авторов. Письмо возымело действие — нас вызвали в ЦК. Помню, перед ним на столе лежал альманах. Он раскрыл его и начал листать, приговаривая: «Это нам нравятся... с этим мы согласны... против этого

не возражаем... непло-охо... это тоже хорошо... и это...» Романов сказал, что у него нет претензий к авторам, тем не менее издательство следует примерно наказать. По его сведениям, издательство израсходовало бумагу и деньги, предназначавшиеся для других целей.

«Это не так», — сказал я и объяснил, что мы израсходовали средства, предназначавшиеся для выпуска областного альманаха — очень непопулярного и нерентабельного, а также для «коммерческого» издания сочинений Марка Твена, на что имелось соответствующее разрешение Госкомиздата. «Ну, тогда нас неправильно информировали», — развел руками Романов. Встреча закончилась».

Вскоре состоялось бюро ЦК по РСФСР, посвященное «Тарусским страницам», которое вел тот же Романов. Как вспоминал потом Сладков, оно длилось около десяти минут. Были повторены прежние обвинения в идейной ущербности и оглашен окончательный приговор: принять к сведению решение Калужского обкома о снятии главного редактора; Сургакову объявить выговор; снять директора!

Затем Калужское издательство постиг еще один, последний удар. Оно утратило самостоятельность и стало филиалом Приокского книжного издательства с центром в Туле. Это решение как бы соответствовало постановлению ЦК КПСС от 22 июня 1960 года «О неправильной практике организации новых издательств», направленному против создания новых нерентабельных издательств и призывающему к укрупнению нерентабельных старых. Читатель знает, что после «Тарусских страниц» Калужское издательство уж никак нельзя было назвать нерентабельным... Разбогатов, оно претерпело примерное наказание, дабы другим неповадно было!

Несколько лет спустя альманах был переведен на английский язык и в сокращенном виде издан за океаном. А. А. Ахматова привезла его из Лондона в подарок Владимиру Корнилову. У нас о сборнике многие годы писать было не принято — как-то не разрешалось. Так закончилась история «Тарусских страниц».

Теперь, почти тридцать лет спустя, многое видится яснее и проще. Парадоксально, но следует признать, что в споре двух столичных газет права оказалась «Литература и жизнь», а либеральная «Литературная газета» ошибалась. Все-таки альманах имел четкую эстетическую позицию, которая, несомненно, была противопоставлена «господствовавшему тогда... официальному академическому искусству», насквозь лживому и бездарному, — совсем как в окрестностях Фонтенбло!

Одна из отличительных черт нашего времени — жестокие литературные споры. Конца им не видно. Исход непредсказуем. Так было не всегда. Бывало иначе. Дуэль завершалась быстро; противники сражались не на равных. Одни размахивали тонкой рапирой, другие — дубиной. Одни были мишенью, другие — стрелками. У одних было слово, у других власть.

«Калужский инцидент» — один из первых в новейшей истории нашей литературы. Один из многих. «Инциденты» случались разные. «Тихие», как арест рукописи В. Гроссмана или медленное выталкивание за границу чужестранных писателей. «Громкие», как суды над И. Бродским, над А. Синявским и Ю. Даниэлем. Скандальные, как высылка Александра Солженицына или разгром альманаха «Метрополь». Результат был один.

Прежде чем заглядывать в будущее, обернемся еще раз назад. Увлеченно следя за нынешними бурными полемикой или гневно отворачиваясь от них, не будем забывать, какая из сторон раньше праздновала победу, какими средствами ее достигала и чем увенчались праздничные торжества.